

Хатынская
повесть

Из собрания сочинений

Партизаны. Война под крышами
Партизаны. Сыновья уходят в бой
Каратели
Хатынская повесть
Последняя пастораль

Алесь Адамович
Из собрания сочинений

ХАТЫНСКАЯ ПОВЕСТЬ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
А28

Адамович, А.

А28 Хатынская повесть / А. Адамович. – М. : Т8RUGRAM /
Агентство ФТМ. – 290 с.

ISBN 978-5-519-62584-5

«Хатынская повесть» известного белорусского писателя Алеся Адамовича — участника партизанского движения в Великой Отечественной войне в оккупированной Белоруссии — это талантливо воплощённая память войны, повесть-напоминание и повесть-предупреждение от того, кто пережил войну. Она учит человечество самой элементарной из истин — только не щадя своей жизни, можно отстоять свободу и победить врага. Повесть основана на документальном материале и входит в список обязательной литературы Министерства Образования Российской Федерации.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. А.М. Адамович,
наследники, 2018

ISBN 978-5-519-62584-5

«В Белоруссии уничтожено более 9200 деревень, более чем в 600 из них убиты или сожжены почти все жители, спаслись единицы».

Из документов второй мировой войны

«Я выскочил из машины и начал пробираться между микрофонами.

— Лейтенант Келли! Вы действительно убили всех этих женщин и детей?

— Лейтенант Келли! Как себя чувствует человек, который убивает женщин и детей?

— Лейтенант Келли! Вы не жалеете, что не смогли убить большее количество женщин и детей?

— Лейтенант Келли! Если бы вы могли сегодня вернуться и снова убивать женщин и детей...»

Из «Исповеди» американского лейтенанта Уильяма Келли

«Не укладывается даже в мыслях, что на этой планете может быть война, несущая горе миллионам людей».

Обращение Георгия Добровольского, Владислава Волкова, Виктора Пацаева к людям Земли из космоса 22 июня 1971 года.

... — Тут уже целый взвод! — громко произносит человек в темных очках с белой металлической палкой в руке. Мальчик в голубом плащике, вскочивший в шумный автобус впереди него, высматривает свободное место.

Человек в очках задержался у двери, слушает наступившую от его голоса тишину; глубокие дуги, скобки возле рта, лицо, суженное книзу, некрасиво заостренное, зато лоб очень широкий и, как у ребенка, выпук-

лый. Рот вздрагивает виноватой улыбкой слепого.

— Папа, там место, — говорит мальчик в прозрачном плащике и касается сразу вздрогнувшей ему навстречу руки.

Снова зашумел, закричал автобус, но недавняя внезапная тишина тоже осталась — как дно. Голоса, веселый крик слишком торопливые.

— Гайшун! Сюда, браток!

— К нам, Флёра.

— Сюда давай!

Человек с врезанной тихой улыбкой слепого кого-то дожидается. Металлическая палка сухо, пустотело звякнула: слепой задел стойку.

На ступеньку автобуса поставил мешок вспотевший мужчина в измятом суконном костюме.

— Это куда автобус?

— В Хатынь.

— Куда?

— В Хатынь.

— А! — неуверенно протянул хозяин суконного костюма, забирая мешок.

В дверях появилась женщина в цветастом летнем платье с сумкой и плащом болоньей на загоревшей руке. Поднялась на ступеньку, смуглое лицо ее улыбается рядом с коротко остриженной, совершенно белой головой слепого.

— Глаша, к нам!

— Сюда садись, в третий взвод!

— Надоели вы ей в лесу! Верно, Глаша?

Женщина, произнеся негромкое «здравствуйте»,

коснулась локтя слепого, и он пошел через автобус. И сразу стала заметна связывающая их неторопливость, напряженная плавность, какая бывает у двоих, несущих одно полное ведро.

— Сюда, папка, тут место, — громко позвал мальчишка, который уже устроился спиной к кабине, по-детски положив ладони на сиденье по обе стороны от себя.

Очень моложавый и шумный пассажир приподнялся с места и схватил слепого за плечи.

— Флера, с моей посиди. А я с Глашей.

— Костя, — укоряюще сказала жена шумного пассажира, вся такая беленькая, приветливо улыбнувшись слепому, — не мешай человеку пройти. Какой же ты!..

Человек в темных очках привычно нес руку впереди; с ним здоровались, трогая худые пальцы, они чутко вздрагивали.

— Живем, Флера?

— Это кто? Ты, Стомма?

— Узнал? Я, братка, я это.

— А это чья голова?

— Рыжего. Помнишь такого? Подай голос, Рыжий.

— Покажись, — рука слепого вернулась назад, — покажись! И правда — Рыжий!

— Здравствуйте, Гайшун. — Пассажир приподнялся, неловко, как детскую, пожал руку слепого.

Женщина, пока длится процедура узнавания, стоит за спиной мужа, она тоже улыбается, но ни на кого не смотрит, тогда как черные очки слепого внимательно всматриваются на каждый голос.

Руку слепого перехватил очень плотный пассажир с косящими глазами. Ремешок от фотоаппарата раздвигает его мягкое плечо, и весь он какой-то выпирающий, овальный в своем новеньком синем костюме.

— Не узнаешь Столетова?

— И ты тут? — удивился слепой.

— А где мне быть? — Столетов обиделся.

Но женщина уже провела Гайшуна дальше. Он задел колено грузного и даже в сидячем положении высокого человека, который, как переросток за партой, сидит вполоборота, загораживая проход.

— Здравствуйте, — негромко и очень спокойно сказал грузный пассажир. И повторил: — Здравствуйте, Флера.

От его голоса на какое-то мгновение снова открылась — как близкое дно — тишина.

Женщина с изменившимся сразу лицом схватила Гайшуна за плечи и быстро провела его вперед. Посадила и сама села лицом к кабине и спиной ко всем.

Мальчишка позвал:

— Тут лучше, папка.

— Вот и сиди! — оборвала его мать.

У кабины — лицом ко всем — удобнее сидеть было бы и грузному пассажиру. Но он тоже не сел там.

* * *

... Косач! Это его голос. Уверенно тихий: человек знает, привык, что его постараются услышать. Этот голос я различил бы и среди тысячи.

А какой сделалась Глашина рука — точно из-под машины меня выхватила!

Какой он теперь, Косач? Во всяком случае, не слепец, как ее муж.

Мотор и дребезжащее под сиденьем ведро заглушают общий разговор. Лишь самые резкие и самые веселые голоса долетают, случайно сцепляясь и переплетаясь. («В прошлом году... да уже внуки есть... бомба разорвется, облако взовьется... ну, Костя, какой же ты! Дай людям поговорить... я говорю, что косачевцы везде... нет, я ему скажу, нашему Летописцу, этому... Эй, Столетов!.. Экзамен сдает в иняз...»)

Нереально, невозможно близкие голоса из далекого-далекого прошлого затопят автобус. Сегодняшние случайные слова плавают поверху, как мусор, а знакомые голоса как бы помимо слов вливаются в меня, солоноватые, обжигающие...

Человек двадцать наших партизан. Некоторых я уже услышал, различаю: Косача, Костю-начштаба, Стомму, Рыжего, Столетова...

Костя, наш начштаба — все такой же мальчишеский голос, — вламывается сразу во все разговоры: хохочет, выкрикивает фамилии, клички, нарочито бессмысленные слова («Деда не забыли?.. Столетов, сними нас для истории. У тебя это здорово получается... Дед, ты у кого такую шляпу раздобыл?.. Мэнш!.. Не мешай,

жонка!..»).

Да, он такой, наш Костя-начштаба, с ним и среди чистого поля будет тесно: каждого толкнет, обнимет и тут же осмеет. Не очень солидный для своей должности. Двадцать два или двадцать три ему... Было. Но его любят (любили): дело свое понимал, воевать умел. Не хуже Косача.

Косач тут, рядом. За спиной у меня. «Здравствуйте!..» — поздоровался сначала и с Глашей, но что-то прочел на лице Глаши и тут же отделил: «Здравствуйте, Флера!» Вон какая сделалась Глашина рука! Испуганная и твердая. Сидит рядом со мной, очень прямая, напрягшись, я и не вижу, а знаю.

Такой же он громадный, сильный? Голос, во всяком случае, тот же.

Мне всегда хотелось понять: замечает он сам или не замечает эту свою постоянную иронию, порой, казалось, произвольную?

— Я ему прямо сказать могу! — голос откуда-то сзади. — Мы его, примачка, из-за печки вытащили, в партизаны силой приволокли, а теперь...

О ком это? И чей голос? Нервный, вспыльчивый. Хлопцы уже под заводят человека, это у нас всегда умели.

— Секретарша не пустит.

— А ты по телефону ему. Верно, Зуенок? Или телеграммой.

Конечно же, это он, Зуенок. Наш главный хранитель партизанской геральдики. Зуенок всегда помнил, и очень точно, кто в каком году и даже в каком ме-